

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СВОЕОБРАЗНОГО РОМАНА ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

<https://doi.org/10.5281/zenodo.11566901>

Курбонова Мукаддас Омоновна

доцент ФерГУ. Узбекистан.

Аннотация

Мы хотели рассуждать о жанрово-стилистических особенностях романа замечательного писателя своего времени Достоевского «Идиот», где упорно продолжал поиски путей, соединяющих искусство с повседневной жизнью и с религией (Богом).

Ключевые слова и выражения

искусство, Бог, религия, идея, святость, профанация, молитва, канон, православие, лож, лицемерие, обман, двуличие, острый смех, воплощение, истина, любовь, чистота, художественная форма...

GENRE-STYLISTIC FEATURES OF DOSTOEVSKY'S PECULIAR NOVEL "THE IDIOT"

Kurbonova Muqaddas Omonovna,

Associate Professor at Ferguson State University. Uzbekistan.

Annotation

We wanted to talk about the genre and stylistic features of the novel "The Idiot" by the remarkable writer of his time, Dostoevsky, where he stubbornly continued to search for ways to connect art with everyday life and with religion (God).

Key words and expressions

art, God, religion, idea, holiness, profanation, prayer, canon, Orthodoxy, lies, hypocrisy, deception, duplicity, sharp laughter, incarnation, truth, love, purity, artistic form...

Русские художники и писатели упорно продолжали поиски путей, соединяющих искусство с жизнью и с Богом. При этом религиозные темы оценивались ими не просто как выигрышные, но несомненно способные пробудить живую мысль и веру, что в условиях идейного брожения и раздробленности приобретало неопределимое значение. Гоголь и Иванов,

Достоевский и Нестеров, Соловьев и Васнецов полагали и своим творчеством доказали, что и в пределах светской культуры возможно воплощение истинно религиозных идей, создание христианского настроения.

Изображение святости в светском искусстве неминуемо ставит вопрос о возможности профанации церковного стиля и религиозного чувства. Можно ли избежать этого? Можно ли с помощью творческого изображения воплотить (в слове, звуке, материале) идеи, содержащие вечное и современное, земное и надмирное одновременно?

Легче всего саму эту проблему аттестовать богопротивной, а художественные опыты назвать «посторонними примесями к религиозным сюжетам». Между тем уже в середине XIX века в России начал формироваться новый способ соединения православной выразительности и художественной убедительности. В первую очередь, это касалось живописи. А. Иванов, В. Васнецов, М. Нестеров, В. Поленов открывали в вечных библейских сюжетах источник подлинной красоты, кладезь животворящих идей, способных напитать иссушенную безверием душу. Понятно, что задача эта титаническая, требует она от художника исключительных усилий и личностного совершенства. «Так тяжело...» – признался незадолго до смерти А. А. Иванов, привезя в Москву плод напряжённой двадцатилетней работы – свою картину «Явление Христа народу».

Особый интерес начинает представлять открытие, что источник веры кроется «во всяком доме, в каждом человеке» - В. Розанов, что путь к Богу у каждого свой и опосредован он многими обстоятельствами, как сугубо индивидуальными, так и конкретно-историческими. Понятно, что подчас волевое художническое начало обречено было вступать в противоречие с церковным канонам в изображении Того, к Кому молитва. Порой художник, возлюбивший православие и дерзнувший его воплотить в своем творчестве, мог нарушить какие-то религиозные каноны. Главный вопрос здесь такой: «В какой степени изобразим дух? И как наполнить идею такой плотью, чтобы она воспринималась и сознавалась людьми?»

Известно, что в действительности человек является и родовым и индивидуальным существом одновременно. При этом именно его индивидуальность чаще всего синонимична деформации, диссонансу, чрезмерности. Это контрастирующие со светом тени, с помощью которых искусство и передает своеобразие индивидуальных форм. Но что делать, если личность идеальна, как, например, Христос, если гармония его личности не содержит несообразностей и не образует контрастов со светоносным

источником? Как изобразить свет в свете? К теме Богоявления по меньшей мере дважды обращался в своем творчестве Ф. М. Достоевский: в художественной форме в романе «Идиот» и в своем последнем произведении – романе «Братья Карамазовы», изобразив явление Христа в средневековом городе в ситуации аутодафе.

Сам факт Богоявления осмысливается Достоевским как мощный импульс к нравственному усовершенствованию человека: «...после появления Христа как идеала человека во плоти стало ясно, как день, что высочайшее, последнее развитие личности именно и должно дойти до того (в самом конце развития, в самом пункте достижения цели), чтобы человек нашел, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я, – это как уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно». Эти мысли были высказаны Достоевским еще в 1864 году. Их он исповедовал до конца своих дней.

Нас же сейчас интересует, как в пределах художественного произведения Достоевский смог воплотить невоплотимое? Как в пестроте житейских сплетений ему удалось узреть и запечатлеть источник духовного свечения, который с появлением Князя Христа разгорается все ярче и ярче? Ведь одно дело – разделять с народом его представление об идеале, связывая его с именем Христа, и другое – материализовать его с помощью творящего разума. Как преодолеть пропасть этого дерзкого замысла? И вот здесь возникает проблема надежности в выборе жанровой конструкции, стилистической убедительности, художественной техники. Иными словами – какие же способы были применены Достоевским в романе «Идиот» для воплощения в слове евангельского сюжета?

Если пытаться понять, как удалось Достоевскому укоренить в вечности повествование 1868 года, то в числе первых следует обратить внимание на многочисленные евангельские реминисценции, «сопровождающие» образ Мышкина. Они возникают и в момент знакомства с героем, прибывшим в Россию с одним тощим узелком (Ср.: «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, а тело одежды?» (Еванг. от Матфея, гл. 5). Иной план ощущается и в его «несовременных» реакциях, например, на пощечину Гани (ср.: «А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую...» (Еванг. от Матфея, гл. 5). Некоторые загадочные фразы князя также не могут быть поняты без евангельского

подтекста (ср.: «И если кто услышит Мои слова и не поверит, я не сужу его, ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир» (Еванг. от Иоанна, гл.12). И наконец трагический финал жизни князя тоже пробуждает в памяти последние строки Евангелия (ср.: «И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу и воскреснуть из мертвых в третий день. И проповеданию быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах...» (Еванг. от Луки, гл. 24).

Число евангельских реминисценций легко может быть продолжено. Нам же важно разобраться в другом: как эти прозрачные ассоциации формируют художественно убедительную линию жизни Мышкина, какой несущей жанровой конструкции они принадлежат? И здесь мы обнаруживаем гениальное художественное решение, имя которому – притча. Этот жанр определяется в словарях как иносказательный рассказ с нравоучением. В романной системе Достоевского этот жанр имеет и глобальный, и функциональный смысл, – с одной стороны, и сам «Идиот» – это своего рода притча. Притча о новом пришествии Христа к людям, о том, как он вновь принял на себя человеческие грехи и ушел из жизни, оставив у людей чувство вины и веры в осуществимость идеала.

Таким образом, роман «Идиот» не только отражает нравственные устремления Достоевского, но и вдохновлен реальными событиями и наблюдениями автора. Он стремился создать идеального человека, который сталкивается с непониманием и отвержением со стороны окружающих его людей. Проблема вера и неверия, моральные и христианские ценности показываются в романе «Идиот». Объяснить это можно тем, что «Идиот» - очень сложное произведение, имеющее множество посылов. Открывается поэтапно, в разном ракурсе

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Алешковский Ю. Собр. соч.: В 3 т. М: ННН, 1996.
- 2.Аксенов В.П. Собр. соч.: В 5 т. М., 1995.
3. Бородыня А. Парадный портрет кисти Малевича // Дружба народов. 1989. №9; Цепной щенок // Знамя. 1996. №1; Мама и парное молоко. Функ-Элиот // Московский круг. М.: Московский рабочий, 1991.
4. Буйда Ю. Веселая Гертруда // Знамя. 1994. №3; Ярмо // Знамя. 1997. №2.

6. Войнович В. Малое собр. соч.: В 5 т. М.: Фабула, 1994; Замыслы. М.: Вагриус, 1986.

7. Веллер М. Легенды Невского проспекта. Спб.: Лань, 1994; Вот те ШиШ. М.: Ваг- риус, 1994.

8. Вишневский В.П. Поцелуй из первых уст. М.: Правда, 1987; Подписка о взаимно- сти. М.: Московский рабочий, 1986.

9. Mukaddas O. Kurbanova. AESTHEICAL AND PHILOSOPHICAL VIEWS IN THE HERMENEUTICAL FEATURES OF THE INDEPENDENCE POEMS. Oriental Journal of Social Sciences SJLF for 2022:5.908. Pages: 93-100. DOI: <https://doi.org/10.37547/supsci-ojss-02-04-13>